

Я не знаю, какой нынче день и какой нынче век.
Я смотрю в календарь, но ответа найти не могу.
Мы с тобой заблудились в тумане у сказочных рек.
Под ногами лишь снег, только розы на мертвом снегу.

Ты, смеясь, говоришь, что собаки твои оплошали
с утра.
Белоснежный олень был уж загнан, но в озеро прыгнул
и был так спасен.
Красноухие псы поджимают хвосты, не глядят
на меня,
А добычи их след снегом белым давно занесен.

И на левом плече твоём ворон — он ночи черней,
А на правом плече — белый голубь, сиятельней дня.
Мне бы воск в свои уши залить и не слышать опасных
речей,
Не просить бы о том, чтобы в плащ свой закутал
меня.

Хочешь душу мою? Забирай, отдаю ни за грош.
Отдаю за любовь, а вернее — за отблеск любви.
Ты охотник и в деле своём безнадежно хорош.
Я добыча твоя и не стану бежать. Если хочешь —
лови.

Я не знаю, какой нынче век, — опустел календарь.
Словно белый листок, он ложится под ноги ко мне.
Я не знаю, зачем тут, в тумане, о мой государь,
Я с тобой повстречалась в опасном, чарующем сне.

Яи сама не заметила, в какой момент местность вокруг изменилась.

Еще недавно я шла по светлому сосновому лесу. Ровные красноватые стволы уходили вверх, а через узорные ветки с длинными тяжелыми иглами щедро просачивалось солнце, яркими мазками брызгая по мягкому зеленому мху, пружинящему под ногами, словно толстый ковер. Еще недавно щебетали птицы, переговариваясь сотнями голосов.

Но как-то внезапно я поняла, что вокруг меня — густой подлесок, спутанный и сухой, точно патлы старухи. Деревья, заполонившие эту часть леса, походили на тени самих себя: почти лишенные листвы, болезненно скрюченные, покрытые коростой. Солнце исчезло, под ногами теперь были жесткий белый мох и лишайник, скрипящий и крошащийся, точно старые кости... Да, правильное сравнение: мне и вправду показалось, будто я иду по костям... Птицы тоже смолкли. Тишина сделалась давящей, пронзительной. Она проникала до самого сердца, оставляя по себе маслянистое, неприятное ощущение страха.

Позади хрустнула ветка. Моя спина одеревенела. Я хотела оглянуться и боялась этого. Уверенность, что добром все не закончится, крепла с каждой секундой.

А вот и птица. На скрюченную ветку, перегородившую мне дорогу — словно лес вытянул растопыренную ладонь, стремясь поймать меня, — опустился ворон. Склонил голову, насмешливо глядя круглым черным глазом, и расхохотался... вернее, раскаркался. Откуда-то снизу, из-под ног, ему хрипло ответила жаба.

И тут я не выдержала. Я знала, что бежать нельзя, знала, что ни в коем случае нельзя дать понять этому лесу, что испугалась, — нельзя, ведь, почуяв слабинку, он вцепится и уже не выпустит из своих смертельных объятий. Знала, но ничего не могла поделать.

Кровь стучала в висках, деревья цеплялись за плащ, стараясь удержать. Я слышала, как затрещала ткань, но, конечно, не стала оглядываться, чтобы посмотреть на оставшийся на ветке лоскуток красной, будто выпачканной в крови, материи.

Я бежала, уже чувствуя, что это бесполезно, и страх гнал меня, как пастух гонит на бойню стадо глупых коров.

Где-то над головой скользнула тень. Ворон снова закаркал, словно засмеялся. От судьбы не уйдешь.

Прямо передо мной был овраг, весь заваленный буреломом. Я заметалась. Чего бы только

П
Л
П
Щ

Д
Л
П

К
Р
П
С
Н
О
П

Щ
П
П
О
Ч
К
П

К я не отдала, чтобы попасть домой, в такую обыч-
Э ную и скучную повседневную жизнь, которую
Т я всегда ненавидела! Чего бы я не отдала, лишь
Р бы все это оказалось сном, банальным ночным
И кошмаром! Я никогда не была особо чувстви-
Н тельной, но сейчас нутром ощущала прибли-
жение беды. Чего-то неотвратимого и очень,
К очень плохого.

Є Думать было некогда. Я помчалась по краю
И оврага, едва не падая. На какой-то сумасшед-
ший миг мне вдруг показалось, что стоит до-
браться до другой его стороны — и я спасена.
Еще немного, нужно просто не сдаваться!..

Так близко к спасению, очень близко. Но
чертова ветка... Я видела — ее не было над тро-
пинкой еще секунду назад, но вот она, словно
змея, бросилась наперерез, изо всех сил ударив
меня в грудь, выбив из легких дыхание. Я упала
на землю, не в силах дышать, чувствуя обжига-
ющую боль в области грудной клетки, и поня-
ла, что окончательно пропала.

А потом в ноздри ударил запах мокрой шер-
сти и другой — еще более отвратительный, тя-
желый, железистый, чуть сладковатый. Так пах-
нет свежая кровь...

...На мою щеку упала капля. Я не хотела от-
крывать глаза, но уже физически не могла вы-
нести эту затянувшуюся паузу. Теперь я желала
одного — умереть как можно скорее.

Ресницы поднимались медленно, очень мед-
ленно, но я уже знала, что сейчас увижу. И не
обманулась.

Волчья морда находилась у самого моего лица. Красноватые дикие глаза смотрели равнодушно и от этого еще более страшно, с желтоватых крупных клыков стекала слюна, а вокруг пасти мех слипся от засохшей крови. Смердное дыхание обжигало особым жаром и, мне казалось, оседало на коже мутной серой пленкой.

Волк был чудовищным. Такого огромного зверя я не могла вообразить даже во сне, а сейчас он стоял надо мной, отмеряя последние секунды моей, в общем-то, никчемной жизни.

— Ну что, Красная Шапочка, — зазвучал в моей голове равнодушный голос, — ты уже не маленькая девочка и должна бы знать, как опасно гулять по Темному лесу. Как опасно вмешиваться в чужие сказки.

И тут я наконец закричала, срывая горло, захлебываясь собственным криком. А мир окрасился в ярко-алый. Цвет крови.

— Девочка, девочка, — зашептал мне лес, — хочешь ли ты послушать сказку? Страшную сказку о том, как давным-давно...

Но я уже ничего не слышала.

П
Л
А
Щ
D
Л
А
К
Р
А
С
Н
О
Н
Щ
А
П
О
Ч
К
Н

ГЛАВА 1

КРАСНАЯ НИТЬ

Она подскочила на кровати, захлебываясь собственным криком и все еще видя алую кровь у себя на руках и на груди.

Скрипнула дверь, и на пороге появился стройный женский силуэт. Женщина просто стояла, глядя в полутьму комнаты, и этого оказалось достаточно, чтобы девушка на кровати смогла кое-как перевести дыхание.

— С тобой все в порядке? Ты кричала, — слышался красивый, хорошо поставленный голос. Фигура на пороге чуть заметно шевельнулась, а девушку передернуло.

— Не дождетесь, — прошептала она, отворачиваясь к стенке.

Дверь снова едва слышно скрипнула — гостья ушла.

Мачеха — и этим все сказано. Элегантная, слишком красивая, предупредительная, спокойная, кажется, никогда не выходящая из себя... Ей не доставало только отравленного румяного яблока в руках и зеркала (впрочем, вдруг она

использует огромное зеркало в спальне?...), чтобы ежедневно просить у него:

— Зеркало, зеркало, правду скажи,
Ту, что прекрасней всех, мне покажи.

А потом вволю любоваться своей идеальностью. Ее можно было поместить в музей или Палату эталонных мер.

Вновь оставшись одна, девушка, словно защищаясь, подтянула к груди острые, совсем не идеальные коленки. Она чувствовала себя потерянной, словно находилась на Северном полюсе, где со всех сторон дуют злые ледяные ветры. Пальцы кололо, и девушка украдкой взглянула на собственные руки, словно и вправду боялась увидеть на них кровь. Крови не оказалось. Значит, все это было обычным кошмаром, одним из тех, что приходили с наступлением ночи и рассеивались с первыми лучами солнца, оставляя по себе смутный страх и вполне отчетливую головную боль, отдающуюся в висках.

— Это сон, — пробормотала она, пытаясь убедить в первую очередь себя, но почему-то сама себе не верила. Слишком реально, слишком страшно это было.

Больше заснуть не получилось: стоило только прикрыть глаза, как перед внутренним взором возникали скрюченные ветви деревьев, отчего девушка вздрагивала и спешила проснуться.

П
Л
А
Ш

Д
Л
А

К
Р

А
С
Н
О
Н

Ш
А
П
О
Ч
К
Н

К За окном было темно, и время тянулось
Э ужасающе медленно. Она то и дело поглядывала на часы, сожалея, что еще слишком рано; Р пыталась заснуть, но снова вздрагивала и просыпалась. И эта пытка продолжалась бесконечно, круг за кругом. Скомканная простыня стала влажной от пота, когда тишину резко, как крик петуха, разорвал звук сработавшего будильника.

К Теперь можно было вставать на законных
Е основаниях. Голова кружилась, и девушка чувствовала во всем теле слабость.

Когда она спустилась на первый этаж, отец уже позавтракал и собирался на работу.

— Анна, — он строго посмотрел на дочь, — нам нужно поговорить. Я не понимаю, что с тобой происходит. Оливия очень расстраивается, она ничего не рассказывает, но я вижу, что ей с тобой тяжело.

— Пусть просто оставит меня в покое, — буркнула девушка, направляясь к кофемашине. Как нельзя некстати она, опустив взгляд на свои руки, заметила, что лак на ногтях облупился и выглядит очень неаккуратно, не то что у идеальной мачехи.

— Ты стала очень грубой. Я разочарован, — ударил в спину голос отца.

Она вздрогнула, но не ответила.

Отец изменился. С тех пор как в доме появилась Злая Королева, он всегда принимал ее сторону, он беспокоился о ней больше, чем о дочери. Словно заколдованный.

Так и бывает в сказках. После появления ма-
чехи родную дочь отправляют в каморку под
лестницей, оставляют в темном лесу или позво-
ляют любимой женщине послать с ней егеря
с заданием принести в виде охотничьего тро-
фея еще теплое, недавно бившееся сердце.

Так бывает в сказках, и ее нынешняя жизнь
сама собой превратилась в сказку, причем не
самую счастливую...

Анна не помнила, как собралась и вышла из
дома, села на велосипед и поехала по тихим,
еще только просыпающимся улочкам. Привыч-
ный маршрут до университета был так хорошо
знаком, что преодолевался автоматически, поч-
ти бессознательно.

Она оставила велосипед на парковке среди
немногих других таких же чудиков, как она
сама, до сих пор не севших за руль, и напра-
вилась к серой громаде здания. Университет
был старым, и Анне он нравился, ей всегда
казалось, что он хранит в себе старые исто-
рии, а если смотреть на его арочные проемы
и винтовые лестницы, можно и вовсе поза-
быть о современности и подумать, что ока-
зался в сказке. Она преодолела уже половину
расстояния, когда за спиной послышались
торопливые шаги, словно кто-то пытался до-
гнать девушку.

Анна оглянулась.

— Ты уронила. — Даниэль, один из немно-
гих парней на их филологическо-литератур-

П
Л
А
Щ

Д
Л
А

К
Р
А
С
Н
О
Н

Щ
А
П
О
Ч
К
Н

К ном курсе, протягивал на раскрытой ладони
Э небольшой предмет.

Т Она пригляделась — маленькая фигурка
Р в красном плаще, кажется, Красная Шапочка —
и поспешно замотала головой:

Н — Это не мое!

— Да ладно, я видел, у тебя из кармана вы-
К пало. Возьми, я никому не скажу, — зачем-то
Е добавил он.

Н Анна машинально взяла фигурку и сунула
в карман куртки. Еще не хватало, чтобы этот
тип решил, что она мало того что носит с со-
бой игрушку, так еще стесняется этого.

— Я тебя от парковки догнать пытался. Ты
была как-то вся в себе, ничего не замечала, —
проговорил он, шагая рядом.

Они вместе вошли под темные своды ста-
рого здания, и две подружки-сплетницы, обо-
гнавшие их у ступенек, покосились на Анну
с откровенным жадным любопытством. Она
и сама была удивлена и слегка заинтригована.
Даниэль спокойно шел рядом, словно они вме-
сте, и задумчиво крутил в руках темно-синий,
отливающий радужным серебром спиннер,
свою любимую игрушку, которую Анна уже не
раз замечала в его руках.

То, что Даниэль вообще заговорил с ней, уже
очень странно. Он редко общался с кем-то с по-
тока, чаще увлеченно строчил что-то на айфоне,
к которому у него имелась специальная клавиа-
тура. Говорили, что он пишет, правда, никто не
читал, что именно. К тому же, как ни странно,

Даниэль был симпатичным. На филологическом факультете традиционно собирается женская компания, среди которой изредка попадаются особо странные и словно бы бракованные мужские экземпляры. Даниэля можно назвать странным, это точно, но насчет дефектности никто ничего сказать не смел. Высокий, темноволосый, с бледным лицом, он казался загадочным и немедленно привлек внимание большинства девушек. Однажды Анне даже довелось стать свидетельницей ссоры из-за него двух вполне симпатичных девушек, но, насколько ей было известно, никто из них, впрочем, как никто из других девушек в их университете, не мог похвастаться его особым вниманием. Скорее всего, Даниэль встречался с кем-то со стороны. Он не избегал совсем студенческих сборищ вроде традиционной вечеринки посвящения, но появлялся на них ненадолго, общался поверхностно и никогда не выпивал столько, сколько нужно для того, чтобы выйти за рамки своей обычной замкнутости. С Анной они до сих пор, кажется, вообще не разговаривали, по крайней мере, она не могла припомнить такого факта.

Они молча поднялись по ступенькам. У Анны закружилась голова, пришлось схватиться за перила, а потом, открывая дверь, девушка вдруг увидела на ладони бурые пятна крови. Они, кажется, просочились прямиком из ее сна. Она вздрогнула.

— Ты испачкалась. На перилах подновляли краску, давай помогу. — Даниэль уже достал

П
Л
А
Щ

D
Л
А

К
Р
А
С
Н
О
Н

Щ
А
П
О
Ч
К
Н

К бумажный платочек и неуклюже пытался оттереть с ее руки грязь.

Э
Т Краска. Не кровь. Эта информация доходила до сознания медленно, зато Анну с ног до головы окатило волной облегчения. Всего лишь краска. Все имеет вполне нормальную, реалистическую причину. Она сама виновата в своих страхах, придумывая то, чего нет на самом деле.

К
Е — Спасибо, — пробормотала девушка смущенно. — Я сама вытру.

И
— Хорошо. — Даниэль улыбнулся. Оказывается, у него очень обаятельная улыбка. — Идешь сегодня на мифологию? Профессор Фишер всегда найдет, чем нас развлечь... Увидимся.

И он, не оглядываясь, пошел по коридору, оставив Анну в недоумении, что вообще сейчас было. Откуда этот неожиданный и странный интерес и что означают последние слова — просто констатацию факта или то, что Даниэль хочет позвать ее на свидание. Вдвойне странно, учитывая, мягко скажем, ее непопулярность у противоположного пола и обычную замкнутость Даниэля. Однако думать над этим она не стала — оставалось еще немного времени до начала лекции, как раз хватит, чтобы повесить верхнюю одежду, взять в автомате кофе и попытаться хоть немного прийти в себя и переключиться на работу.

* * *

Она лежала на земле, и в светлых волосах запутались листья. Глаза были удивленно открыты. Совсем девчонка, лет семнадцать на

вид, а может, еще меньше, с ними всегда трудно определить.

Он, не глядя, сорвал пучок лесных цветов и положил ей на грудь, чтобы прикрыть тот большой красный цветок, который остался после попадания стрелы.

Пошел дождь, и холодные струйки бежали по его лицу, скатывались за ворот. Да, это вам не сказки. И никаких «долго и счастливо». Грязь и смерть — вот и все, что реально в этом мире. Мужчина вздохнул. Он очень устал, больше всего ему хотелось закрыть глаза и не открывать их снова, но позволить себе такую роскошь он, разумеется, не мог.

— Зря ты вообще сюда пришла, — пробормотал он, обращаясь к неподвижному телу, словно она могла ответить, словно получилось бы что-то переиграть.

А потом отвернулся и ушел, тут же забыв о светловолосой девчонке.

Сейчас его гораздо больше занимала мысль о том, чтобы разжечь огонь и хорошенько отогреться, да и оружие не мешает привести в порядок.

Вспомнил о девчонке он уже на привале, когда увидел зацепившуюся за бляшку на сапоге длинную красную нитку. Отцепить нитку и бросить ее в костер — секундное дело. Теперь все, и никаких воспоминаний.

Это просто работа. Не слишком приятная, если быть откровенным, но ничуть не хуже любой другой. Работают же дровосеки, срубая де-

П
Л
А
Щ

Д
Л
А

К
Р
А
С
Н
О
Й

Щ
А
П
О
Ч
К
И

К ревя. Тяжелый, неприятный, но нужный труд.

Э И у него чем не работа?..

Т Вдруг огонь зашипел, разбрызгивая искры,

Р и языки его слились в знакомую фигуру.

П — Все хорошо? — спросил человек, целиком
Н состоящий из пламени.

— Все сделано, — по-своему ответил он.

К — У меня для тебя новое задание.

Е Ну конечно, об отдыхе можно и не мечтать.

П Огненная фигура взметнулась к уже налива-
ющемуся ночным сумраком небу.

— Да, я слушаю...

За темными тучами не было видно звезд, а дождь монотонно отстукивал падающие в бездну секунды. За спиной шумел лес, где еще продолжался дождь, почти не ощутимый под навесом.

Говорят, у каждого своя сказка. Если бы он только мог, он выбрал бы себе другую...

* * *

Зеркало отражало бледное лицо, оттененное темно-каштановыми волосами чуть ниже плеч, тонкие губы, острый подбородок и упрямые серые глаза. Это лицо Анна день за днем видела уже на протяжении девятнадцати лет и успела к нему привыкнуть. Иногда оно раздражало ее, иногда казалось даже красивым. Волосы вот точно были хорошие — густые, приятного оттенка. А больше, пожалуй, ничего особенного.

Но сейчас Анна смотрела в зеркало и отчего-то едва себя узнавала.